

Осмаев Мовла Камилович**Osmaev Movla Kamilovich**

кандидат экономических наук,
доцент кафедры журналистики
Чеченского государственного университета,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации

PhD in Economics, Assistant Professor,
Journalism Department,
Chechen State University,
Honored Worker of Culture of
the Russian Federation

ОБ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ РАВНИННЫХ ЗЕМЕЛЬ ЧЕЧНИ (XV–XVIII ВВ.)

CONCERNING THE HISTORY OF THE SETTLEMENT OF THE CHECHNYA'S PLAINS (XV–XVIII CENTURIES)

Аннотация:

Статья посвящена малоисследованному вопросу миграции с гор на равнину, которая стала определяющим фактором в жизни чеченского общества в XV–XVIII вв. Миграционные процессы рассматриваемого периода оказали огромное влияние на формирование современной чеченской нации и особенностей национального самосознания. Значительное внимание уделено вопросу о населении равнинных земель накануне чеченской миграции. Приведены дополнительные аргументы в пользу утверждения, что кабардинцы и кумыки, хотя и считались владельцами равнинных земель Чечни, в то же время почти не населяли их. Впервые высказано предположение, что за чеченскими народными преданиями о русских первопоселенцах на равнинах Чечни может скрываться тот факт, что первые чеченские мигранты с гор придерживались христианства и по этой причине через века в народной памяти они стали ассоциироваться с русскими.

Ключевые слова:

равнинные земли, переселение чеченцев, плоскостная часть, массовая миграция.

Summary:

The article is devoted to the unexplored issues of migration from the mountains to the plain, which became the determining factor in the life of the Chechen society in the 15th – 18th centuries. The migration processes of the period under review had a huge impact on the formation of the modern Chechen nation and the features of national identity. Considerable attention is paid to the issue of the plains population on the eve of the Chechen migration. The article provides the additional arguments to confirm that although the Kabardins and Kumyks were considered to be the owners of the Chechnya's plains, at the same time, they almost did not inhabit them. For the first time, it is suggested by the author that the Chechen folk legends about the Russian first settlers on the plains of Chechnya may hide the fact that the first Chechen migrants from the mountains adhered to Christianity. For this reason, they have become associated with the Russians in the national memory through the centuries.

Keywords:

plains, resettlement of the Chechens, plain territory, mass migration.

Изучение процесса повторного освоения чеченцами равнинных земель имеет большое значение не только для объективного освещения исторических процессов. Это важно еще и потому, что длительный и трудный процесс хозяйственного освоения равнинных земель и закрепления их за чеченскими обществами оказал огромное влияние на формирование современной чеченской нации и особенности чеченского национального самосознания. Не говоря уже о том, что эта эпоха наложила неизгладимый отпечаток на чеченскую национальную культуру и вызвала к жизни целый жанр музыкального народного творчества – героико-эпические баллады *илли*.

Несмотря на это, изучению миграционных процессов XV–XVIII вв. до настоящего времени не придавалось должного значения, вследствие чего остаются неясными многие важные детали. Настоящая работа ставит своей целью обозначение моментов, требующих дополнительного исследования.

В прошлом и сегодня имеется немало авторов, доказывающих, что чеченцы только в XVIII в. начали массово выселяться с гор на равнины, чем объясняется их якобы «отставание» в социальном развитии. Крайнюю позицию в этом вопросе занимает М.М. Блиев, по мнению которого, чеченцы появились на северных склонах Большого Кавказского хребта только в XI–XII вв., где они задержались на пять столетий, в результате чего ядро чеченского этноса сформировалось в верховьях реки Аргун [1].

М.М. Блиев относится к той части осетинских исследователей, которые всеми силами пытаются «освободить» Северный Кавказ от автохтонных народов, чтобы «разместить» на высвободившихся территориях ираноязычных алан. Этой же цели служит его утверждение о том, что активные миграционные процессы в Чечне начались только в конце XVIII – первой половине XIX в., которые и привели чеченцев к берегам Сунжи и Терека [2].

Среди причин, вызвавших массовое переселение чеченцев на равнину, в первую очередь называют естественный рост населения при ограниченности сельскохозяйственных земель в горной местности, что приводило к относительной перенаселенности. В меньшей мере принимаются

во внимание социально-политические факторы, такие как: столкновения между различными обществами, кровная месть и др. Например, Б.К. Далгат среди причин, вызвавших переселение чеченцев на равнину, называет не только раздоры и тесноту от малоземелья, но и подчинение Грузии [3].

Последний довод не может быть принят без серьезных возражений. Грузия в описываемое время настолько ослаблена внутренними неурядицами и внешними вторжениями, что не в состоянии оказывать серьезное военно-политическое давление на горные общества чеченцев. Наоборот, ее правители вынуждены постоянно прибегать к помощи горцев Северного Кавказа для отражения иранских или турецких набегов. Но, обращаясь за помощью, например, к московским государям, грузинские цари для поднятия собственного престижа в числе своих подданных называли и многие горные общества северных склонов Большого Кавказского хребта.

Очень трудно объективно оценить влияние на массовое переселение горцев такого фактора, как ухудшение климатических условий в середине XV в. [4].

Порой появляются и экзотические «гипотезы» возникновения миграционных процессов в Чечне. Согласно одной из них, весной 1396 г. многие «нахоподобные» жители областей Армении и Азербайджана, прилегающих к Нахичевану, переселились в Ичкериию из страха перед надвигающимся нашествием войск Тимура. Причем их выбор определялся тем, что в Ичкериию мало лесов. А поскольку почвы в Ичкериию малоплодородны, довольно быстро началось переселение на равнину [5].

К.Х. Ибрагимов, видимо, упустил из виду, что войско Тимура вышло на Северный Кавказ только после покорения Закавказья, т. е. обеспечив себе прочный тыл. Так что миграция в Ичкериию из Нахичевана из страха перед надвигающимся нашествием – чистая фикция. Скорее всего, автор был подвигнут желанием связать нахоев из Закавказья с современными чеченцами.

В то же время практически не принимается во внимание такой важный фактор, как концентрация земель в руках феодализирующейся верхушки сельских обществ и так называемых «сильных» тайпов. Проигравшая сторона часто была вынуждена переселяться подальше от беспокорных соседей, силой навязывавших им свое «покровительство», что подтверждается множеством народных преданий.

Наконец, нельзя не учитывать и то обстоятельство, что в экономическом плане горцы Северного Кавказа были тесно связаны с равнинными районами, так как отгонное скотоводство, от которого в решающей степени зависело материальное благополучие жителей гор, постоянно нуждалось в свободном доступе к зимним пастбищам на равнине. Это обстоятельство вынуждало горные общества вступать в договорные отношения с феодальными владельцами указанных пастбищных земель, которые, как правило, сводились к уплате определенной суммы и принятию «покровительства».

В связи с этим возникает вопрос о заселенности равнин к периоду, непосредственно предшествовавшему массовой миграции чеченцев. Например, Б.К. Далгат считал, что равнины Чечни были заняты кумыками, ногайцами и другими кочевыми народами. Поэтому чеченская миграция первоначально направлена в Ичкериию и Аух, достаточно защищенные лесами [6].

Археологические материалы и народные предания подтверждают присутствие на равнине ногайских кочевий. В частности, чеченское предание связывает название двух местностей в Причеречной Чечне – Имсули и Сати-те с именами двух жен могущественного ногайского князя, которым он передал эти земли во владение.

Однако ногайские кочевья довольно быстро были перенесены на затеречные земли, и, надо полагать, это было связано с расселением на пространстве между Терекком и горами не только чеченцев, но и кабардинцев и кумыков. Появление кабардинцев на территории Чечни датируется обычно XV в. Причем в ряде мест (например, возле селения Бамут) кабардинские курганные захоронения соседствуют с одновременными захоронениями, характерными для вайнахов, что свидетельствует о совместном проживании [7].

Существует предположение, что кабардинцы уже в XV в. не только расселились на территории современной Чечни, но и продвинулись дальше на восток до границ Тюменского княжества в низовьях Терека. Но если принять во внимание тот факт, что на территории Чечни фиксируются также кумыкские селения и феодальные владения, то становится очевидной невозможность сплошного расселения представителей обеих этих этнических групп.

Действительно, реалии того времени таковы, что появление на какой-то территории феодального владения во главе с кабардинским или дагестанским феодалом еще не означало наличия здесь именно кабардинского или дагестанского населения. Например, создания возле Терского городка владения кабардинского князя Сунчелея Черкасского недостаточно для включения этой территории в состав Кабарды. Как известно, князь Сунчелей был поставлен во главе окочан и мичкизов (т. е. этнических чеченцев), живших в Терском городке. То же самое относится к территории Чечни, где практически не было кабардинских селений, а кабардинские князья со своими дружинами присутствовали среди чеченцев.

Многие ранние русские исследователи отмечали, что кабардинцы и кумыки, хотя и считались владельцами равнинных земель Чечни, в то же время почти не населяли ее. Кумыкские селения редкой цепочкой протянулись вдоль Терека от современной границы Дагестана до Моздока. Самые восточные кабардинские топонимы – Сагопши (Псагопш) и Пседах – расположены на территории современной Ингушетии. В настоящее время ингуши населяют Сагопши, а чеченцы – Пседах. Причем и те и другие, скорее всего, поселились на этих местах уже после ухода кабардинцев. В частности, ингушские предания сообщают, что первыми чеченскими поселенцами Пседаха были семьи, бежавшие от преследования кровников.

Присутствие кабардинцев на равнинной части Чечни продолжалось до XVIII в. [8], а их исход напрямую связан с постоянным натиском вайнахов, что подтверждается как историческими документами, так и народными преданиями.

Точно так же чеченская миграция привела к частичному вытеснению с равнины кумыкского населения. Так, территории Ауха и новые чеченские селения возле Качкальковского хребта возникли по соседству или даже в окружении кумыкских аулов и хуторов [9].

Требуется объяснения наличие чеченских преданий, согласно которым до выселения чеченцев на равнину ее населяли русские, поэтому чеченцы смогли расселиться на ней лишь после их ухода [10].

Только на первый взгляд может показаться, что в упомянутом предании речь может идти о гребенских казаках или их возможных предшественниках – бродниках, наличие которых на территории Чечни допускал В.Б. Виноградов [11]. Однако редкие поселения гребенских казаков локализовались по Терскому и, возможно, Сунженскому хребтам. Одно это обстоятельство, наряду с малочисленностью казаков, наглядно показывает, что их присутствие «на гребнях» не могло стать серьезным препятствием для расселения чеченцев по равнине. Не будем забывать также, что именно под натиском чеченцев гребенцы были вынуждены переселиться на правый берег Терека.

Что касается бродников, то единственные артефакты в пользу их возможного присутствия на территории Чечни – это нательные кресты, датируемые концом XII – началом XIII в. и XIV–XV вв., обнаруженные в окрестностях селения Майртуп. Однако появление указанных крестов может иметь и другое объяснение. Например, известно, что в этом селении издревле находился центр работорговли, куда вполне могли поступать пленники, захваченные в русских областях.

Более вероятным кажется предположение, что под названием русских чеченские предания сохранили воспоминания о насельниках равнины, исповедовавших христианство. Напомним, что в средневековом Аланском царстве христианство получило широкое распространение. Образование Золотой Орды и принятие ислама золотоордынскими ханами в качестве государственной религии не означали автоматического изменения конфессиональной принадлежности христианским населением. Исторические документы и археологические материалы золотоордынской эпохи подтверждают наличие значительного числа христиан на Северном Кавказе, в частности среди городского населения.

Судя по всему, к концу XIV в. ислам стал господствующей религией на равнине. Во всяком случае оставленное летописцами среднеазиатского правителя Тимура описание государственного образования Симсим, локализуемого на территории Чечни, показывает, что исламская религия господствовала на его равнинной части. Более того, жители восточной части Чечни выступали исламскими воителями за веру [12]. Однако в описании военных действий в горных областях Симсима говорится о наличии здесь большого числа языческих и христианских храмов.

Имеется немало свидетельств, что кровавый погром, устроенный армией Тимура, не заставил оставшееся население горной Чечни отказаться от христианских верований. Об этом убедительно говорят археологические исследования, исторические документы и народные предания. Европейские авторы XV–XVI вв. не ограничиваются сообщениями о том, что северокавказские горцы с давних пор были христианами. Еще в конце XIV в. на Северном Кавказе действовало пять епископских центров, один из которых находился в Восточной Чечне (епископство Мичаха, Мичиг – название пограничного с Дагестаном чеченского общества). А в 1487 г. во время «исламского набега» шейха Хайдара на Северный Кавказ одним из главных объектов нападения стала христианская провинция Элохци в среднем течении Терека, в названии которой угадывается Нохчмохк (Восточная Чечня) [13].

При всей возможной спорности связи между топонимами Элохци и Нохчмохк не может вызывать сомнения, что среднее течение Терека приходится на Чечню и, следовательно, упомянутая христианская провинция находилась на чеченской территории. Даже если принять во внимание, что топоним Нохчмохк покрывает не всю восточную часть Чечни, а только современные Ножай-Юртовский район и большую часть Веденского района (историческая область Ичкерия), все равно речь идет о христианском населении Чечни XV в.

Напомним, что именно XV веком датируется начало массовой миграции избыточного населения горной Чечни на равнину. Причем многие историки полагают, что первоначально значительная часть мигрантов направилась не прямо на север к Чеченской равнине, а на восток – в

Ичкерия (Нохчмохк). Например, Я.З. Ахмадов начало чеченской миграции датирует XIV–XV вв. и обозначает первоначальное ее направление именно в Ичкерия, что привело к образованию новых селений и новых тайпов [14].

С ним согласен А.Ф. Гольдштейн, полагающий, что заселение чеченцами исторической области Чеберлой, расположенной в горах выше Ичкерии, произошло в средние века, а Ичкерии – началось в XV в. [15].

А по мнению И.М. Сигаури, применительно к XV в. речь должна идти о повторном заселении чеченцами Ичкерии, древнее нахское население которой было тюркизировано в раннем средневековье, когда тюркский этнический элемент занял господствующее положение в междуречье Терека и Сулака. Процесс ассимиляции нахов мог усилиться в период монгольского завоевания. Он же пишет, что Ичкерия, скорее всего, была опустошена в результате нашествия войск Тимура и этим объясняется тот факт, что первый поток миграции из Аргунского ущелья направился именно сюда [16].

Таким образом, имеется достаточно оснований предположить, что первые чеченские переселенцы XV в. из горной Чечни по большей части исповедовали христианство. Кровавый исламский набег 1487 г. мог привести к истреблению, бегству или исламизации этого населения. А в последующие века первые христианские жители равнины стали ассоциироваться с русскими.

Ссылки:

1. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004. С. 17.
2. Там же. С. 47.
3. Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследования и материалы. 1892–1894 гг. М., 2008. С. 56.
4. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001. С. 237.
5. Ибрагимов К.Х. Некоторые аспекты истории развития земельных отношений в Чечне // Национально-государственное строительство в Чечне: история и современность : материалы регион. науч. конф., посвящ. 90-летию автономии Чечни. Грозный, 2013. С. 52–57.
6. Далгат Б.К. Указ. соч. С. 55.
7. Крупнов Е.И. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961. С. 32.
8. Багаев М.Х. Население плоскостной Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения вайнахов с гор на плоскость (XIII–XVI вв.) // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный, 1968. С. 55–71.
9. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. 5. М., 2005. С. 285–286.
10. Лаудаев У. Чеченское племя. Грозный, 1992. С. 3.
11. Виноградов В.Б. Время, горы, люди. Грозный, 1980. С. 80–81.
12. Хизриев Х.А. Кавказцы против Тимура. Борьба народов Северного Кавказа против экспансии Тимура. Грозный, 1992. С. 86.
13. Ахмадов Я.З. Об освещении политического положения народов Северного Кавказа в трудах европейских авторов XV–XVI вв. // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 2 : материалы Всерос. науч. конф. (21–22 сент. 1978 г., г. Грозный). Грозный, 1980. С. 167–168.
14. Ахмадов Я.З. История Чечни ... С. 237.
15. Гольдштейн А.Ф. Башни в горах. М., 1977. С. 215–216.
16. Сигаури И.М. Указ. соч. С. 285–286.